

РАССКАЗЫ

ИЗ СБОРНИКА «СВЕЧИ ПОДЗЕМЕЛЬЯ»*

СУРАЙА АЛЬ-БАКСАМИ

ВЛЮБЛЕННЫЙ В СТЕНЫ

Он всем телом прижимается к стене, его белая дишдаша**, пропитанная холодным потом, липнет к спине. Большим пальцем он давит на маленькую кнопочку на крышке баллончика с распыляемой краской. На стене появляются строки, которые Джасим читает еле слышным голосом: «Нет оккупации!.. Да здравствует конституционная законность!..» Он снова нажимает на кнопку, разукрашивая стену другим лозунгом: «Кувейт - кувейтцам!» «Халед! Халед! Пиши слово «Кувейт» крупнее и ярко - красной краской: так они больше разозлятся». Халед пишет

новый лозунг: «Преступник Саддам - сукин сын!» Джасим останавливает его: «Нет, Халед. Не надо писать ругательств и оскорблений, хотя, по правде, он их заслуживает. Мы должны избегать таких методов, чтобы они видели, что мы не опускаемся до их уровня».

Звук кованых солдатских сапог, раздавшийся с противоположного тротуара, разрывает ночную тишину. Халед, похолодевший от страха, словно прилипает к стене, а Джасим жмется к нему. Баллончик с краской падает на

землю. Стена, неся на себе груз лозунгов, молчаливо и недвижимо возвышается над двумя людьми, которые очень осторожно, стараясь не отрываться от стены, продвигаются вдоль нее. Холодные как лед руки Халеда испачканы краской - ярким свидетельством того, чем он занимался только что. Этого вполне достаточно, чтобы смертоносная пуля продырявила его голову.

Он с опаской шепчет: «Джасим, мои пальцы в краске. Ты не думаешь, что они начнут вырывать ногти, или электрический ток превратит мое тело в смердящий труп, или каждое пятнышко краски будет прижжено горячей сигаретой?»

Джасим молчал, а Халед продолжал бормотать, словно в бреду, представляя пытки, одна страшнее другой: «И прежде чем свинцовая пуля оборвет мою жизнь, они будут глумиться над моим телом со следами их безумных забав, превратив его в жалкие лохмотья. Но сердце мое все еще будет стучать предательски громко, как сейчас. И если они услышат его биение, то притаившийся в них дикий зверь выскочит и начнет пожирать мои испачканные краской руки».

Над городом нависает небо в рваных тучах; свист пуль, рассекая пространство, не дает никому уснуть. Джасим с Халедом - действующие лица этого спектакля, ищущие новую сцену, на которой они могут двигаться более свободно... Стена школы заканчивается, лишая их опоры и укрытия. Тела, покрытые холодным липким потом, исчезают в темноте поглотившей их пустоты. Из глубины этой пустоты, из окон лепящихся друг к другу домов, тянутся ниточки света от скособоченных ламп.

«Хоть бы они потушили эти лампы, ведь они нас выдадут, а это равносильно тому, что наши тела будут болтаться на веревке где-нибудь на военной базе, и их будут терзать волки».

Подойдя вплотную к своему товарищу, Джасим говорит шепотом: «Халед, солдаты ушли, и стука их сапог уже не слышно. Побежим к кооперативу».

Это предложение не находит в Халед отклика: «Бежать - гиблое дело. Это привлечет их внимание и вызовет подозрения. А на моих пальцах весьма красноречивые свидетельства того, чем я занимался, пусть даже я и спрятал руки в карманы моей дишдаши. Представляешь, как я хотел бы их отрезать, чтобы вместо них у меня выросли новые руки».

Как сжалось время в его кармане? Как сминали разукрашенные пальцы минуты, казавшиеся вечностью? Он не ведает. Все, что ему известно, это то, что стены родного дома последним оплотом, который примет его тело в свои объятия этим вечером. Опустился занавес, сменились декорации, стена исчезла, и на ее месте ему пригрезилась теплая постель, неоднократно в разных обстоятельствах спасавшая его измученное тело.

Он выдыхает сигаретный дым, пристально разглядывая мерцающий огонек на конце сигареты, затем подносит ее к своей руке: сигарета обжигает его, он охает, хотя огонь совсем слабенький. Вот ведь, даже это заставляет его вскрикнуть, а они-то уж раздуют пламя как следует, и оно уже будет не пощипывать, а вгрызаться в живую мягкую плоть. У них-то не поохает, а зайдешься нечеловеческим криком от боли.

* Перевод по: Сурайа аль-Баксами. «Шумуус-сарадиб». 1-е изд., Эль-Кувейт, Дар аль-уруба лин-нашр ват-тавзии, 1992.

** Дишдаша - национальная мужская одежда ряда арабских стран в виде длинной рубахи-кафтана.

* * *

Здоровенный, широкоплечий солдат бряцает прикладом автомата на середине тротуара, впившись взглядом в стену, и с негодованием читает: «Кувейт - кувейтцам!.. Нет оккупации!» Затем он натывается на слова «сукин сын» и заканчивает чтение плевком в сторону стены, сопровождая его автоматной очередью.

Перед дверями кооператива стоит, извиваясь, очередь из местных жителей. Свист пуль заставляет людей повернуть головы на этот звук. Раздаются сдавленные смешки. Халед, довольный, широко улыбается, а пожилой человек за его спиной комментирует: «Вечно они злятся, всегда готовы воевать даже с пустотой. Хвала Аллаху! Обычный кирпич и тот приводит их в бешенство!!!» Но тут вмешивается другой человек: «Хаджи, их бешеная ярость вызвана не самой стеной, а тем, что вчера написали на ней наши добры молодцы».

Халед вытаскивает руку из кармана дишдаши, с гордостью разглядывает свои пальцы, вымазанные красной краской. Не задумываясь, целует их и прижимает к сердцу, ощущая его ровное и спокойное биение. И в его теле нет ни одной ужасной дырки от пули, больше похожей на кратер вулкана.

Он чувствует острую тоску по этой сырой стене, вспоминает, где еще в их квартале есть чистые стены. Он решает отправиться к ним и передать под покровом непроглядной тьмы их прочным кирпичам всю свою страсть, всю любовь, возникающую снова и снова, несмотря на автоматные очереди и свист пуль.

СВЕЧИ ПОДЗЕМЬЯ

Она ушла в себя, как улитка, прячущаяся в свой домик-раковину. Ее душил острый приступ кашля от струйки дыма сиротливой свечи, тусклый свет которой в этом мрачном месте был отчаянной попыткой победить уныние и тоску непроглядной тьмы, пожирающей детали всех окружающих предметов.

Она чуть было не задохнулась, подавляя кашель, так как не желала разбудить их... своих детей, тихо дышавших и, возможно, погруженных сейчас в состояние глубокого сна. Как она хотела, чтобы в своих грезах они не видели ни ненавистного облика озверевших солдат, ни даже самой малости из того кошмара, что гнетет их вот уже семь месяцев.

Она протянула руку в поисках стакана воды, чтобы заглушить свой судорожный кашель, затем приняла твердое решение покончить с дымом свечи и дунула на эту тоненькую ниточку света, при котором ее глаза еще мирились с ужасающей темнотой, внезапно обрушившейся на них.

Этот подвал был идеально выбранным местом, чтобы стать убежищем, спасавшим их от налога на саму жизнь, установленного законами военной игры.

Когда начались воздушные налеты союзников, жителей Эль-Кувейта охватила лихорадка поисков подвалов. Слово «подвал» стало почти синонимом слова «выживание», «спасение» от возможности быть погребенным заживо под развалинами домов, которые могли быть разрушены во время бомбардировок.

Подвал ее дома был забит до предела разной старой мебелью, коробками с учебниками и другими ненужными вещами. Этот подвал стал ее временной могилой, так как места для движения и даже сна не хватало, что не давало ей возможности пригласить кого-нибудь из соседей спрятаться вместе с ней в ее убежище.

Темнота дразнит ее. Ее бьет озноб. Снаружи раздается безумный грохот, от которого дрожат высоко располо-

женные окна подвала. Единственная дверь этой норы, куда она забралась, не перестает сотрясаться так, что ей даже показалось, что та сейчас сорвется с места и что все замки и ключи, железные петли, удерживающие дверь в стене, разлетятся в разные стороны.

Ее дочка мирно посапывает. Кашель смешивается со звуками бомбежки, но ее дети продолжают свое путешествие в снах. Сон хранит их от страха. Ей хотелось бы, чтобы страх, опасения, тревоги были уделом лишь ее одной.

Трещит дверной замок. Сильнейший взрыв приносит ожидание того, что сейчас начнут падать кирпичи или послышатся звуки крушения верхних этажей ее дома. Однако неожиданностью для нее было услышать грубый хриплый голос какого-то человека, кричащего на отвратительном для нее диалекте: «Подайте мне машину... Подайте мне машину!» Затем безумный крик последовал за сильными ударами ног во входную дверь... Она глотала соленые слезы, подавляя рыдания, стремясь не разбудить детей.

За дверью, не перестававшей трещать и сотрясаться, происходили непонятные вещи: настойчивый голос мужчины стих, уступив место шуму военной техники. Смесь звуков лишала каждый из них индивидуальности. Она подняла голову вверх, ожидая, что сейчас на нее рухнет потолок, затем уперлась взглядом в дверь, представив, как она слетает с петель, а за ней возникают пылающие ненавистью, вооруженные до зубов солдаты. Вообразив такую картину, она дала волю слезам, и ее плач был слышен во всех уголках подвала.

Несмотря на это, ее малыши дышали тихо и безмятежно. Она склонилась над одним из них: его сердечко спокойно билось. Они живы, они спят и видят сны. Ее же сердце трепещет, как пойманная птица. Его заливают страх и тревога. Она ведь никогда не была героиней и не

мечтала о героических поступках. Даже тогда, когда солдаты волокли ее мужа из дома, заталкивали в машину, увозившую его в неизвестность, она не просила и не умоляла, не вставала на их пути. Все, на что она была способна, так это обнять детей и уставиться на сияющие звезды на погонах офицера, олицетворявшие власть и закон сильного над слабым. Все кончилось тем, что она осталась одна в сыром подвале, недоверчиво прислушиваясь к дыханию своих малышей, к просьбам военного, ищущего машину, к свисту пуль и грохоту пушек, к другим искаженным, пугающим звукам, к собственным мыслям о том, что в таком ожидании смерти нет ничего героического.

Когда стихают все звуки, в душе творится что-то странное, непонятное, неясное. Она не находит четкого объяснения этой внезапной тишине, заставившей смолкнуть все голоса. Не находит в самой себе желания поискать радиоприемник, чтобы послушать последние известия, ибо ложь потоками затопила радиовещание всего мира.

Она размышляла, спрятаться ли ей снова в раковину, забывшись коротким сном, или ждать, когда обрушится потолок?

Тьма расступилась и исчезла с первыми лучами солнца, возвестив, что пора гасить свечи в подвалах.

Она повернула ключ двери подвала. То, что она делала, не было героизмом, но ее сжигало страстное желание узнать, почему оркестр войны прекратил исполнять свою какофонию?

С большой осторожностью она поднялась по лестнице, ожидая увидеть вокруг своего дома солдат. Ужасное, страшное молчание пугало ее; однако через несколько мгновений она оказалась на середине улицы, рассматривая машину у дверей. Множество картин промелькнули в ее голове. Почему они бросили эту машину посреди улицы? Как их солдаты ее не украли?

Из дверного проема дома показалась маленькая голова ее молодого соседа, прижимающего к уху радиоприемник. Увидев ее, он радостно закричал: «Умм Фатима, радуйся! Они убежали, как крысы. На земле Кувейта не осталось ни одного иракского солдата. Да здравствует освобождение!» Она замахала руками, отказываясь верить, и сказала: «Что за вздор... Я не собираюсь тебе верить. Мне придется снова вернуться в подвал. И потом я не верю им. По радио все врут».

Стайка женщин, закутанных в черные абай*, покидала соседний подвал. Открывались двери и других подвалов, увеличивая число женщин в черных покрывалах. Одна из соседок одарила ее застенчивой улыбкой. А вот к ней направляется другая женщина, так же искренне улыбаясь.

Она так до конца и не поняла причину такого отношения, но внезапно горячо обнимает одну из женщин, шепчет ей на ухо, хотя слезы мешают ей говорить: «Поздравляю, они убрались, страна свободна. Теперь нашей новой радостью станет день возвращения наших мужчин». Общее рыдание раздается из толпы женщин, и из-за обилия слез то вспыхивают, то угасают огоньки свечей в подвалах.

ЖАЖДА АБУ САХИРА

Несколько капель дождевой воды, пропитанной сажей, придававшей ей черный цвет, собрались на дне ржавой железной банки. Каждую из них Мухаммед провожал тревожным взглядом, приговаривая шепотом: «Давайте,

давайте, собирайтесь побыстрее... Они вот-вот умрут без питья». Он еще пристальнее уставился на банку, не желая оборачиваться назад, так как знал, что за его спиной десятки пересохших от жажды ртов с нетерпением ждут это жалкое количество грязной воды.

Железная банка практически висела в пустоте, но его сильная жилистая рука удивительно крепко удерживала ее. Как же он хотел, чтобы эта банка была побольше, однако плотно стоящие прутья решетки на окне барака не позволяли просунуть наружу что-либо более крупное.

Чувство радости и удовлетворения охватывает его, когда банка наполняется дождевой водой: теперь его отяжелевшая рука может отдохнуть... Сейчас он будет распределять эту воду среди своих пленных товарищей. Борьба человека со смертью и его нежелание перейти к этому дикому безвременью вызывала в его душе противоречивые чувства, мечущиеся между добром и злом. Люди ценили то, что он делал для них, но вместе с тем они помяли ему бока, и он даже поранил руку об острый край банки, когда заключенные вырывали ее у него, чтобы утолить безумную жажду.

И чтобы хоть как-то защититься, ему пришлось резко осадить их, крикнув: «Если вы прольете воду, я не буду больше ее собирать!»

Всего лишь пять человек смогли получить свою долю этой грязной дождевой воды. Один из них, с трудом сделав глоток, сказал: «Брр!.. У нее привкус бензина». Другой язвительно добавил: «Моча и то приятнее на вкус!»

Банка снова повисла в пространстве. Мухаммед держал ее, теряя терпение и облизывая пересохшие губы. Вокруг все сильнее слышался ропот, в котором звучало отчаяние: «Сукины дети! Они убьют нас, замучив жаждой!»

«Воды!.. Воды!.. Мы хотим пить!»

Эта вода с небес была насыщена продуктами горе-

* Абая или аба - обычно черная верхняя женская одежда в виде накидки с капюшоном или покрывала с широким головным платком.

ния нефти, что не только не утоляло жажду, но усиливало ее. Некоторые пленные начали стонать, тогда как другие, во что бы то ни стало, стремились получить хоть глоток из ржавой банки и напирали на широкую спину Мухаммеда.

Ну, зачем он сам вызвался заниматься этим?! Возможно потому, что люди выбрали его своим представителем, рупором их отчаянного положения, связующим звеном между ними и солдатами, пылающими злобой и ненавистью.

Триста двадцать семь кувейтских пленных были собраны в бараке, рассчитанном не более чем на восемьдесят человек. К этому барaku примыкали три других, образуя концентрационный лагерь, расположенный севернее Басры с претенциозным и смешным названием «Абу Сахир». Прежде здесь находилась тренировочная база народной армии. Затем ее превратили в перевалочный лагерь для иранских пленных периода ирано-иракской войны. А теперь пришла очередь кувейтцев.

Мухаммед, похищенный прямо из собственного дома, оказался здесь, в этой огромной толпе измученных пленных, через два дня.

Вот уже четвертый день им не дают воду. Погибать от жажды - таково было наложенное на них изуверское наказание. Один солдат, получив взятку в виде импортной пачки сигарет, сказал, что из Багдада приехали высокие гости с многочисленными звездами на погонах и предупредили начальника лагеря, что он понесет соответствующее наказание, если будет плохо следить за военнопленными. И если кто из них убежит, то он сам и его солдаты будут расстреляны.

И комендант посчитал, что утомить заключенных, лишив их воды, будет лучшим решением вопроса, как избежать ответственности за их охрану: он был справедливо убежден, что гниющие трупы пленных не в состоянии совершить побег.

Мухаммед закрыл глаза от усталости, которая одолела его сильное тело, и от боли, причиняемой кровоточащей раной на правом запястье. Постепенно в его сознании выкристаллизовывалось неотступное решение... Он должен положить конец их бесчинствам, даже если это будет стоить ему жизни. Он попросил о встрече с начальником лагеря, которая состоится завтра утром. На ней он обязан быть хладнокровным и высказать все, что накопилось, одним махом.

Два человека встретились лицом к лицу в маленькой комнате с потрепанной разваливающейся мебелью.

Комендант лагеря сверлил заключенного взглядом, полным отвращения, словно тот несет ответственность за войну, которая вот уже многие годы беспрерывно тревожит иракцев нервы.

Мухаммед шел ва-банк, ставя на карту свою жизнь и говоря то, что считал нужным. Он не замечал ни рассерженных лиц, ни нацеленных на него винтовок, ни призрака веревки, на которой он, возможно, будет болтаться на лагерьной площади в назидание другим.

Он выпалил наболевшее все сразу, но его слова, словно камень, брошенный в болото, потонули в выражении крайнего изумления, отразившегося на лицах слышавших это иракцев.

«Мои товарищи погибают от жажды... Мы не можем проглотить даже ваш твердый, как камень, хлеб... Животных перед тем, как зарезать, и то поят водой! У вас великая река, напоите нас из нее. Дав нам воды, вы нас не избалуете».

Выговорившись, Мухаммед ждал их реакции: проклятий, оскорблений или пули. Однако встретил лишь безразличный ничего не выражающий взгляд начальника. Только уголки его губ скривились в насмешливую улыбку, когда

он что-то нервно писал на бумажке, лежащей перед ним. Затем комендант передал ее своему помощнику, сказав: «Вот, Хамуди, приказ о казни этого сукина сына. Чудеса да и только... Пленный, а еще ставит условия: пить он, видите ли, хочет из Шатт Аль-Араб. Если он подохнет, так и из моря не напьется!»

Однако помощник отреагировал по-другому, отказавшись взять приказ о расстреле и пытаясь убедить начальника, что военнопленные находятся под их охраной, так как Красный Полумесяц не будет обменивать пленных иракцев на разлагающиеся трупы кувейтских заключенных.

Тут начальник стал метать громы и молнии в своего помощника Хамуди, угрожая ему расстрелом, если тот не выполнит приказа, и обвиняя его в сочувствии к вражеским военнопленным.

Несмотря на шок от того, что его могут казнить, Мухаммед получал удовольствие, став свидетелем перебранки своих врагов, которые были похожи на двух дерущихся петухов.

Послышались ругательства и проклятья: поминались и матери, и предки, и религия. Это было великолепное свидетельство падения нравов тех, кому подобное поношение не режет слух.

Но вот в дверях появился новый человек, и крики смолкли в один миг!

Это был высокопоставленный военный чин из Багдада. Он потребовал немедленно объяснить причину возникшей кухонной склоки, и вот уже три разнокалиберных петуха закружились в схватке.

Мухаммед был охвачен странным чувством, видя, что приказ о его казни забыт в пылу этого жаркого разбирательства.

Спектакль закончился, когда старший по чину поставил точки над «і», сказав: «Негодяй, ты хочешь, чтобы они умерли от жажды и избавили тебя от ответственности?! Ты что забыл, что живешь в государстве, где нет места личным решениям и планам?!»

Человек из Багдада вернулся к своему высшему командованию в сопровождении начальника лагеря. А Мухаммед - в свой грязный барак, где заключенные устроили ему бурный прием, требуя рассказать, что за великий шум был снаружи.

Едва полуденное солнце достигло зенита, как цистерна с водой была уже на территории лагеря. Из ее шлангов вытекала теплая, как парное молоко, тухлая вода. Это была вода из их великой реки, в которой плавали стебли тростника и кора пальмовых деревьев, волосы девушек из Басры, возможно, смывавших в ней остатки хны.

Пленные не вникали в происхождение ни предметов, ни пены, плавающей на поверхности воды: ведь еще вчера они дрались друг с другом за глоток маслянистой черной воды, падавшей с неба.

Все напились вволю. И когда призрак смерти от жажды был изгнан из барака, некоторые начали похрапывать, другие постанывать. Мухаммед не спал. Он сидел, опершись на сырую цементную стену, пытаясь хоть чуть-чуть вздремнуть, однако звук, раздававшийся снаружи, лишил его сна. Это был звук дождевых капель, падающих с плеском на дно ржавой банки, забытой на окошке барака. Банка была полна, и вода стала переливаться через края, но это не волновало его: о ней больше никто не мечтал. Пусть ее поглотит иссушенная бесплодная земля!

*Перевела с арабского
Е.В. КУХАРЕВА*